ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Раскрепощение молодежи должно
быть делом самой молодежи!

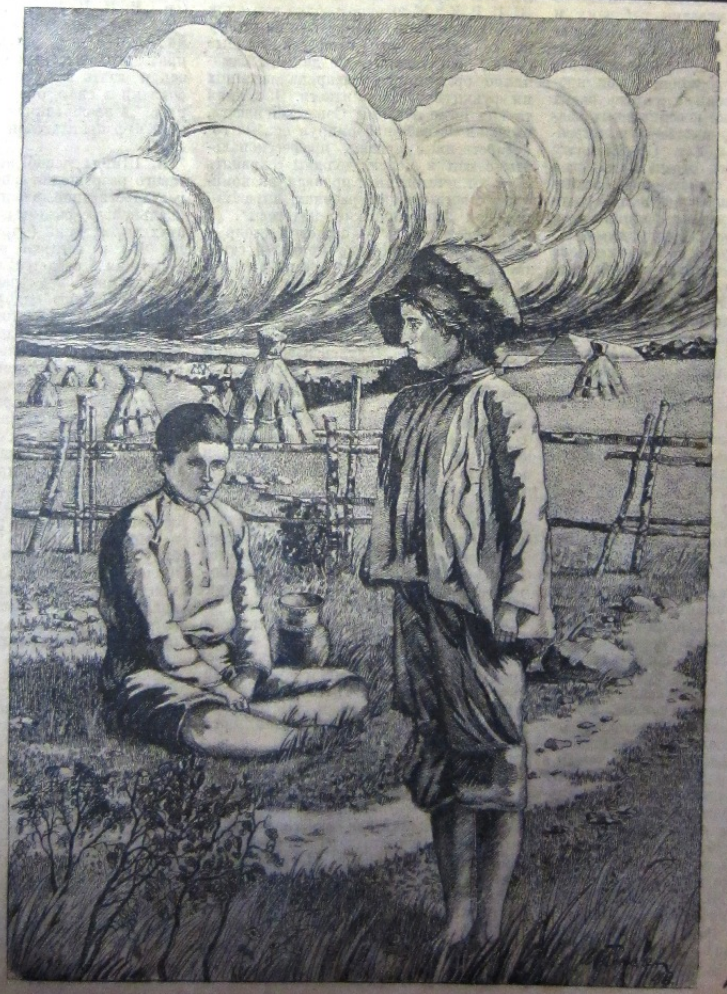
12 ЯНВАРЯ 1919 г.

№ 18.

Цена в Москве 2 р. 50 к.
вне Москвы 2 р. 75 к.

Главная контора и редакция:
Москва, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12.
РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА открыта по вторникам и четвергам
от 5—7 часов вечера.
ЭКСПЕДИЦИЯ: Тверская, 27, кв. 51.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ.



А. ДРЕНСЛЕР.

Профессиональное движение и Государство.

Трудящиеся давно поняли, что „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих"; они поняли отлично, что социалистам-государственникам не важно, способен ли пролетариат выполнить ту или другую задачу при завоевании свободы или нет; они поняли, что им нужны не сами рабочие, а их избирательный бюллетень и в погоне за ним им некогда было призывать рабочих к самостоятельной творческой работе, некогда было указывать на всю грандиозность предстоявшего переворота, требовавшего от каждого рабочего огромных усилий и подготовки. И даже тогда, когда был произведен переворот, — сделано ли было для пролетариата все то, что так диктовалось самой революцией? Были ли раз'яснены истинные ее цели и были ли указаны рабочему и крестьянскому классу те пути, которые должны пройти Революция в ближайшие месяцы, годы? Было-ли сделано все для того, чтобы пролетариат мог проникнуться сознанием не только своих социальных прав, но и социальных обязанностей в деле производства и потребления? Нет, нет и нет. Пролетариату самому приходилось отвечать на свои вопросы и самому строить свои организации. И вот прошел год. Всюду родились и окрепли производственные профессиональные союзы. Неопытными, неуверенными поступями закладывался фундамент организаций; не совсем ясно представляли себе трудящиеся массы взаимоотношение своих союзов к власти, и вот этим властители желают воспользоваться. Мало им подчинятся органов,— ненасытная власть вздумала покуситься на профессиональные союзы рабочих, захотела лишить их самостоятельности и подчинить Совнархозам, Комиссариатам Труда и т. д. И вот, как в официальной прессе, так и в профессиональной, подняли вопрос об „огосударствлении" профессиональных союзов.

Товар. Р. Арский („И. Ц. И. К. С." № 4) находит, что „кому можно было бы вручить экономическую власть", какъ не им, т.-е. профессиональнымъ союзамъ? Ибо „фактически союзы руководятъ уже сейчас экономическою жизнью, диктуя свою волю регулирующим органам и через них проводят определенные принципы строительства"; а тов. Зенькович („Экономич. Жизнь" № 40) совсем громит союзы: „движение профессиональное, как таковое, потеряло под собой почву, растворяется в классовое движение пролетариата и погашается им вполне. Но раз так, тогда надо также признать, что стремление профессионалистов отстоять взгляды, что профессиональные союзы в целом должны сохранять свой отличительный признак экономической организации рабочих, выражающей и защищающей их экономические интересы,—является исжитым и сугубо-вредным", а товар. Ногин идет еще дальше: в своих тезисах, представленных не так давно вниманию коммунистов Ц. И. К., он считает излишним существование не только профессиональных союзов, но и заводских комитетов и делегатских собраний: „основной руководящей ячейкой в производственном процессе должно являться правление фабрики или завода. Второй ступенью должно быть правление во главе данной отрасли промышленности. Высшей организацией должен быть Совет Народного Хозяйства".

Таким образом, мы видим, что как т. Р. Арский, так и Зенькович и Ногин (а вместе с ними и Зиновьев, Рыков, Милютин и др.) считают необходимым передать в руки профес. союзов экономическую власть, лишая тем самым рабочих их кровной производственной организации. А что говорят сами профессионалы о себе и о своем отношении к Советской власти? „Согласуя свою работу с работой Советской власти,—пишет председ. Вс. Сов. Проф. Союз. М. Томский (см. „И. Ц. И. К." № 3)—употребляя всю силу своего влияния и организации на работу по ее укреплению, профессиональные союзы, как таковые, не должны самочинно брать на себя непринадлежащих им функций органов власти. Выполняя те или иные задания Советской власти, выделяя из себя и формируя особые государственные органы, профессиональные союзы в целом должны сохранять свой отличительный признак экономических организаций рабочих, выражающих их экономические интересы". „В этой своей работе" — пишет Кассоир — союзы должны все же остаться самостоятельными по форме организациями, размежевывая свои функции с функциями Советской власти".

Для нас интересно также отметить постановление II с'езда Комис. Труда, где говорилось, что: „являясь избранниками профессиональных союзов рабочих, Комиссары Труда должны в своей работе строго согласовать свои решения с решениями об'единений и с'ездов проф. союзов", но на деле вышло совершенно обратное, и некоторые тт. предложили провести то, что „профессиональные союзы должны стать органами К. Труда".

Таковы два течения, поднятые вокруг профессионального вопроса представителями власти и представителями проф. организаций. На 15 января созывается II Всероссийский с'езд профессиональных союзов, и этот вопрос будет окончательно решен на этом с'езде.

Трудящейся молодежи, как деятелю профессионального движения, необходимо дать ясный и категорический ответ на стоящие перед ней и профессион. движением вопросы: 1) Находит ли трудящаяся молодежь необходимым сохранение самостоятельных классовых организаций или нет;

2) должны ли профессиональные союзы стать органами власти и брать на себя государственные функции;

В основу „огосударствления" проф. союзов представители власти клали то, что интересы пролетариата отнюдь не противоречат интересам Советской власти и ею защищаются, но это не вполне так. Вот что мы читаем о взаимоотношениях профес. союза работников кредитного дела и Народн. Комиссариата финансов: „В настоящий момент Народный Комиссариат финансов, в лице главы ведомства, ведет борьбу с Банктрудом, желая, очевидно, во чтобы то ни стало отбросить Союз, готовый по мере сил своих участвовать в строительстве народно-хозяйственной жизни, в лагерь действительных врагов Советской власти" (см. „Банктруд" № 4—5). И эта борьба ведется в то время, как на страницах „Известий Ц. И. К. С." т. Р. Арский признает, что „возможна ли была бы жизнь экономических органов власти без активного участия профессиональных союзов? Разумеется,—нет". „Нельзя было бы сознать Главвоза, Центротекстиля и других Главков и Центров без участия проф. союзов. Положительно не ни кого было бы составить эти органы, если бы туда не вошли представители союзов" (см. „И. Ц. И. К. С." № 4).

Как видно, без союзов дело у власти не клеется, и в результате возник вопрос: нельзя ли эти способные организации взять в свои руки, пока перед союзами в свою очередь не возник вопрос: „а не справимся-ли мы и сами без этой бюрократической машины, без власти".

В. Шмидт давно понял возможность такого разрешения вопроса не в пользу государственной власти; он считал, что „дальнейшее раздельное существование этих учреждений (учреждений власти—пр. М.) и центров профессионального движения... сведется в конечном счете ко взаимной конкуренции и постепенному умиранию одной из них" („Профессиональный Вестник" от 23 февр. 1918 г.). Но т. Шмидт не дал перу написать еще пару слов и сказать, что этой умирающей будет Государственная власть, ибо союзы могут умереть лишь со смертью самого пролетариата.

Для трудящейся молодежи не может быть приемлемым ни уничтожение союзов, ни параллельная работа с исжившими себя государственными органами; для нее имеется единственный верный выход—овладение производством. В этом—основной смысл всего рабочего движения, и рано или поздно к этому должны будут притти рабочие массы, ибо народ и власть вечно жить в дружбе не могут,—всегда народная волна свободы переходила устои государства. Будет момент, когда рабочая масса будет вынуждена пред'явить государству невыполнимые требования, и в этом случае профессиональные союзы,—все как один,—станут в защиту трудящихся; это будет великая волна, которая захлестнет основы векового насилия и погребет под собой разрушенные устои государства.

И вот для этой приближающейся волны пролетариат должен сберечь свои организации от руки власти и твердо стоять за их автономию. Об'единенные под общей крышей, занятые в одном и том же деле, сближенные и связанные общими условиями труда, трудящиеся должны сделаться достаточно сведущими в хозяйственной жизни и технически подготовленными, дабы в ближайшем будущем взять производство в свои руки и самостоятельно, без власти, помимо гос-

дарственных окон—руководить производством и распределением.

Пролетариат уже интересуется и волнуется не только узкой, непосредственно-рабочей политикой, но и широкой постановкой рабочего вопроса с точки зрения организации производства и производительных сил, и близок день, когда он почувствует в себе силу взять в свои руки весь хозяйственный аппарат страны и справиться с ним помимо государства.

Н. Марков.

МЫ *).

Одним возникновением разрушившая все, Великая Русская Революция дала нам права, но вместе с ними и обязанности. Рождением своим и существованием она указала нам не только нашу ближайшую тактику, ближайшее поведение, но и направление нашей работы даже в случае ее уничтожения, в случае, когда она может быть загнана в подполье, и на обломках ее будет торжествовать воцарившаяся реакция.

Тогда наша работа, работа анархической молодежи, имея одни общие насущные цели с деятельностью революционеров других политических течений, будет существенно отличаться от нее по способам достижения этих целей.

Пятилетняя несчастная война и революция, несомненно, сильно повлияли на развитие русской молодежи. И в этом один из их плюсов. Правда, развитие это было в некоторой степени односторонним: а именно, молодежь приучилась быть жестокой, отвыкла от доброты, от мягкости, и тем потеряла ценнейшее достоинство свое—нежность. Но жестокость духа необходима в жизни. Так это было и так это будет до той отдаленной поры, пока не освободится человеческая личность и не устроит для себя красивого и ласкового существования.

Месяцы войны и тем более революции текут быстрее обычных и увлекают в темп своего хода все прочие явления жизни. В связи с этим расширение старых взглядов молодого поколения и появление новых шли громадными шагами и в такой степени, что в настоящий момент каждый из нас вполне сознательно разбирается в общеполитическом положении и в своих личных к нему симпатиях и взглядах.

Людей абсолютно беспартийных, не сочувствующих никакой определенной партии, определенному течению нет и не может быть. Все мы в большей или меньшей степени затронуты революцией, и, в зависимости от нашего соприкосновения с ней, мы смотрим на нее с разных точек зрения.

Одни революцией почти уничтожены. У них отнято все, годами считавшееся их собственностью, их достоянием. С положения управляющих они унижены до положения управляемых, личность их придавлена и все их былое значение исчезло.

Они могут быть только врагами ее. И так и есть. Они борются против нее повсюду, где только могут. И извне и вне. Волей непреклонной судьбы они противопоставлены революции, они вынуждены быть сторонниками восстановления старого и этого восстановления они добиваются всеми силами, ибо оно одно может вернуть им у них отнятые преимущества.

Другим, наоборот, революция дала возможность подняться со дна людского на спокойную поверхность, свободно передохнуть и изменить к лучшему свои условия жизни.

Они за революцию, они сражаются в ее рядах, ибо только с ней связано их материальное благополучие, только при ней они могут считать себя в безопасности, ибо реставрация грозит потерей всего захваченного и даже ухудшением прежнего положения.

Они, как и первые,—шкурники революции.

Мы же—третьи и наши интересы, наши идеалы, наши стремления стоят совершенно особняком как от целей первых, так и от целей вторых.

Мы—третьи и в зависимости от нашего миропонимания мы иначе смотрим на Революцию. Мы видим в ней не путь к улучшению или ухудшению наших личных дел и не возможность изменения своего благосостояния.

Подобный взгляд на революцию—взгляд класса и для нас он слишком узок. Для анархистов нет класса, для них есть люди и только люди. Физическое и духовное освобождение личности они ставят во главе своей деятельности. Революция для них является раскрепощением человека, освобождением духа.

До нее одна группа людей притесняла другую. Революция освободила угнетенных и потому анархисты с ней, они чтут в ней освободительницу. Но едва только она, продолжая свое развитие, угнетенных сделала угнетателями, а угнетателей угнетенными и тем самым снова закрепостила группу людей; они становятся в оппозицию к ней.

От размеров этой новой угнетенной группы и будет зависеть размер их оппозиции. Пока угнетение касается небольшого числа лиц, бывших притеснителей, анархисты молчат, видя лишь справедливую кару. Но при увеличении этого числа сначала интеллигенцией, а потом и пролетариатом, их оппозиция будет расти и к моменту логического завершения революции, то есть к образованию небольшого класса новых хозяев, над массами населения, они уже будут идти в разрез с ней, тогда уже не революцией, а реакцией.

Таково их и вместе с тем и наше отношение к революции и, полагаясь на него, мы должны выяснить, выяснить с полной определенностью, ибо полуслова, намеки и двусмысленности не могут иметь места, наши права и обязанности к ней.

До тех пор пока она не перешагнет второй ступени своей эволюции, пока она сумеет поддерживать огонь бунта и восстания в других странах, до тех пор мы будем с ней.

— Что же дѣлать для защиты ее?

Ответ один.

Для закрепления революции, для освобождения украинских, сибирских, кавказских, уральских и других мест, необходимо поддерживать существующую власть. Различные теоретические споры должны прекратиться.

Мы против всякой власти, против всякого насилия над человеком, но было бы безумием выступить против Советов и выступлением своим сыграть на руку истинной контр-революции.

Итак, здесь, в России нашей обязанностью является поддержка Советской власти. А права мы возьмем после, когда сами укрепимся.

— Что же должны делать наши товарищи там, за боевой границей? Каковы их обязанности и их права?

Последних у них нет, об этом позаботились их и наши враги. А о первых позаботимся мы сами. Мы позаботимся!!

„Бомба" будут наши права и „бомба же" наши обязанности!

Пожар мирового огня, зажженный на Востоке русскими революционерами не потухнет. Пламя его, заливаемое в одном месте, будет вновь вспыхивать в другом, и своеобразным пожаром придется или утомиться или же погибнуть. Тогда отдельные, быть может очень небольшие головешки, сумеют снова воспламенить его и новая вспышка окончательно сожжет старый, шамкающий мир.

Мы, молодежь, будем именно этой малой головешкой, тем малым огоньком, который в свое время поддержит потухающий огонь пожара.

Мировая революция—символ вечного огня! Никогда не угаснет, всегда несет свободу, она вечно будет жить в сознании угнетенных и вечно пугать своим пришествием угнетателей!

М. Т.

Пусть окован жизнью раб земных тревог,
Пусть будет мрак в его душе пустой.
Мы—выше всех! Для нас—искусство бог!
И мы живем свободной красотой.

Не надо нам условности цепей.—
Пусть все меркнет пред нами ярким сном.
Мы любим жить! И в радости своей
Заветный рай себе лишь создаем!

Елена Н. (Моргунова).

Зимой.

Запушил дед мороз у нас окна,
Разубрал их в седые полотна,
Пробежался, промчал вихрем звонким
И завыл, застонал безумолчно.

Ночь на землю спустилась, сини
Белоснежным алмазным покровом,
Как из сказки царевна младая,
В покрывале своем бирюзовом.

Месяц—князь круглолицый и ясный
Созерцает с высот величаво,
С трона звездного облик прекрасный
Ночки зимней красавицы—навы.

Дед-мороз ворожит и колдует,
Свадьбу старый затеял на праздник.
Ночку зимнюю месяц чарует,
Им содействует старый проказник.

Новый год не замедлит врагхола,
А с ним спутники, снег да морозы.
Разгуливает нас ярко, что розы,
К встрече юного года Природа.

Е. Горлова.

*) Посв. Ал. Уранскому.

Рассвет 1-й.

МУДРОСТЬ

Тихо.

Ночь прошла одинокою грустною тенью, завернувшись в свой бесшумный плащ.

Прошла гигантскою тенью неба и земли, и край плаща еще остался на дальнем небе, погруженном в сладкую истому предутреннего сна.

Хочется ни о чем не думать, ни о чем не скорбеть.

Вспоминать.

Нет,—тоже не хочется.

Хочется непонятно грустить, тая в голубоватой дымке сладострастной дали.

Уронить утомленные вялые глаза в свежесть утренней неги мая.

Свершается в мире в великий час, равный вечному мгновению, чудо неизмеримого молчания.

Как отдающаяся женщина, изнемогающая от песни крови, стелется душа по сонному мировому трепету.

Как куски крови сердца, растерзанного временем—Вампиром ушедшего, повисли в безмолвии крики дальних поездов.

Может, это—она, еще тогда, давно уезжавшая, все еще мчится по неведомому кругу безначалия.

Может,—другая.

Не знаю.

Я не слышу, не вижу, не знаю.

Я только чувствовал, что душа, как анемона, раскрылась, поглощая еле видное, еле слышное, еле осязаемое.

Милая.

Тебе, чей образ—мой вожатый в долине Отчаяния.

Тебе—моя плоть, мой дух, распятые пространством и временем.

Тебе—моя дивная, певучая тайна наступающего рассвета, плывущего дня, умирающего Солнца.

Тебе—моя дивная дева с устами Саломеи, с ресницами—тенью Луны, грудями расцветающей розы, матовой от дымки дыхания дня. Безвестная, неведующая о моей любви, моем изнеможении, моей Силы, моей Славы, моей Скорби, моей Смерти.

О, как бы я хотел безумно плакать о твоем бессилии, о твоем рабстве...

Аромат возрождающегося света, света майского дня, пробегает по моим жилам неодолимой дерзостью взять тебя, осквернить прикосновением запекшегося искривленного рта, закинуть твою голову на твердую усталую руку, обжечь дыханием воспаленной груди

И нет тебя.

Да, петь о Красоте, которой нет нигде и которая видима только для меня проникающего, расплавленного мира.

Ты—пьющая из глаз моих мощь Скорби, развернувшей в моей душе, как огромная птица, черные бархатные крылья...

О, как несносно опять кричат поезда. Мне больно.

Слышишь ли ты,—мне больно.

Иди, моя Страсть, иди, моя юная сказка мая.

Я подарю тебе слезы, смех Дьявола, повисшего на стальном клинке Луны, обагренной жертвенной Кровью.

Я подарю тебе мудрость—старую, как мир, и короткую и юную, как мгновение...

Рассвет 2-ой.

ЗОЛОТОЕ ВИНО.

После дождя так глубоко, так сладко дышется...

Кто-то Невидимый взял мое измученное сердце и бросил в бокал холодного искристого вина...

Кто-то Невидимый взял мою душу и бросил ее в бокал пенящегося теплого вина.

Я—пьяный.

Плыву на покрывалах тумана к далеким длинным печальным звездам...

Протягиваю руки,—хочу взять немного этого тлеющего огня и внести в свою душу.

Протягиваю руки, протягиваю в них мое воспаленное, безумное, мятущееся сердце к Луне, чтобы холод и безразличие охладили его, заласкали вечным покоем...

Я—пьяный.

Мысли.

Мысли, не имеющие ни конца ни начала, куски огромного тумана, проплывают, дразнят, волнуют и исчезают за крышами, еще влажными от дождя недавнего...

Больше я не понимаю ничего...

Как мал и ограничен мир.

Едва мое острое и стремительное желание бросилось, метнулось звенящей стрелой, чтобы, преодолев пространства, вонзиться в твое дремлющее сердце, как оно ударилось о бессмысленную стену большого белого дома, стоящего как раз напротив моего окна.

Я слышал, как оно стукнулось, притупилось и упало в изнеможении на рыхлую от недавнего дождя землю...

Милая, ты не слышишь как слова, такие немногочисленные, грубые и ненужные, расцветают в моем сердце бледными запоздалыми розами Весны..

После дождя они так томно и бесхитростно грустят и мечтают о тебе—о тебе эти бледные вестники Весны умирания.

Горящими, судорожными пальцами я беру их и плету венок нашей любви.

Нашей.

Почему я говорю—нашей?

Ты знаешь почему.

В твоих глазах—книге, в которой агатовые страницы и серебряные буквы, созданные из мгновений, часов и месяцев, запечатлели на первой странице книги твоего могучего сердца, еще доверчивого и крылатого.

Букв пять.

Милая, разве не ты стоишь рядом и целуешь мои полуопущенные веки медленно опускающиеся в трепетной неге забвения—забвения мирового раскинувшегося бездной черного бархата?

Брошусь в нее—мягкую, баюкающую.

Лечу.

Прекращается дыхание, конвульсивно вздрагивает и замирает.

Мое израненное ноющее сердце.

Об'ятья Безмолвия и Вечности.

Разве не ты, милая, коснулась своим телом меня, и я вхожу в тебя, растворяюсь в тебе и эти ноги, ноги, которые несколько мгновений тому назад с трудом переносили мое отяжелевшее тело, эти ноги с такой легкостью поднимают меня, и я не чувствую больше своей плоти, своего тела, я ширюсь, возношусь и плыву к бледной улыбчиво горестной Луне?

Милая, разве не ты вскрыла острием своей страсти мои большие и маленькие жилы и поцеловала медленную, сонную, усталую кровь.

Кровь—она, поющая переливно звонким потоком, устремляется по мне...

Я чувствую, как она хочет прорваться в виски и выбиться из меня.

Милая.

Нет тебя; ты там среди грубых взбалмошенных людей, низких и липких, как гады, беспомощных и жалких, как песчинки, вьющиеся в Пустыне и ветер взвивает их, сцепляет и кидает то туда, то сюда и строит гигантские пирамиды нелепого человечества.

Ты спишь, заломив тонкие круглые руки за голову.

Пряди матовых волос, как ласковые золотые змейки, движутся медленно по твоей крепкой белой груди, как по двум распускающимся цветам бледным и ярким...

Как сладок и долог предутренний сон...

Спи, моя милая.

Прикасаюсь порочными кроваво-черными устами к твоим тонким вздрагивающим губам..

Если увидишь меня поэтом, то не забудь накинуть на него черный плащ безумия, скорби и отчаяния.

Вдыхаю пряную влагу ночи...

Сыплются звезды—золотое вино.

Рассвет 3-й.

ЧЕРНАЯ РОЗА.

Я искал тебя.

От восхода до заката я искал тебя...

Маленькие серенькие люди, как противные сказочные гномики, шевелились в туманах пасмурного, холодного дня...

Я видел их некаженные заботой тупые полудетски-наивные лица.

Какая презренная беспомощность наполняла их...

Долго глядел на быстро бегущие серые облака, чувствовал как они, будто комья тяжелой слизи, давили мне на мозг, давили мне на душу и было так тоскливо.

Гадко, тоскливо.

К вечеру выплыло бледное закатное Солнце.

Я пел ему гимны.

Ему—единственному яркому в этом мире.

Оно умирало величественно в золотых порфирах, истекая медленно кровью...

Какое очаровательное томление было в этом умирании.

Мне стало грустно, когда надо было считать последние минуты Его жизни...

Мне казалось, что умирала любимая женщина.

Мне казалось.

Казалось.

О, ужас.

Мне казалось, что умирала ты...

С отчаянием вглядывался в туман, старался разглядеть Его налитые кровью глаза.

Но оно, тихо тлеющее, бурно упало в бездну Ночи и я не видел Его глаз, глаз, из которых золотыми тончайшими нитями тянутся в Небо лучи, как руки влюбленных женщин, женщин бледных и страстных с розовым полуоткрытым вздрагивающим ртом.

Я пел Безумство.

Какою сладкою радостью наполнилось мое Сердце, когда утих городской шум, когда я мог открыть окно и вдохнуть немного холодного, острого воздуха...

Как приятно затрепетали оледеневшие ноздри...

Струями холодного вина пролились волны воздуха в мою воспаленную грудь, разбежались по горячим жилам ..

Мне вспомнился твой поцелуй, такой опьяняющий, жгучий, расцветающий в моей душе, в моем Сердце огромной розой черной Крови...

Растут, ширятся лепестки, и я уже не вижу, не ощущаю ничего, кроме тебя...

А ты.

Была ли ты со мной в эти минуты, когда я восжаждал тебя.

О, мое черное Солнце—Солнце Ночи восходящей Страсти...

А ты.

Видела ли ты меня?

Видела ли, как мои нервы—невидимые нити плыли по небу, прорезали тьму и туман и вкрадывались в твою душу.

Я уже не помню, что я делал в этот день,—все бледно, скучно.

Недостойно.

Слышишь ты: недостойно, чтобы я говорил и вспоминал при тебе об этом...

Я помню себя горячим и задыхающимся с приливавшей к вискам кровью, медленно, умно бредущего по теплому гулкому асфальту...

Куда я шел?

Я шел через улицы, через весь город, по лесам, городам, морям, плыл в тумане...

К тебе.

К тебе я протягивал измученные, пылающие руки...

Едва я дошел до дому и, усталый, упал в темноту моего Одиночества...

Кто-то кажется был, о чем-то говорил, кажется, сердился и как будто на меня; я отвечал самыми простыми односложными фразами, видел наглое самодовольное лицо...

Потом исчезло...

Я встретил Ночь...

Она—тихая, печальная женщина в черной одежде...

Она безмолвно склонилась надо мной и наполнила меня красивыми мыслями, красивыми словами, красивыми звуками.

И я пел о тебе.

Милая.

Сон взял и унес меня, и я испуганно открыл глаза, когда что-то стукнуло, и воздух Ночи, как крыло птицы, коснулся меня. Это ветер открыл окно...

Милая.

Я иду к тебе.

Тише.

Молчание.

Рассвет 4-й.

ПОЖАР.

Прошел пожар сладострастья ночи, и клубы дыма—облака медленно-меланхолично плывут над землей, пресыщенные, ни о чем не говорящие.

Жалкий, бездомный крик поезда острием врезается в тишину рассвета, тихо дышащего, томящегося, тлеющего...

Скользят причудливые рыбы, светящиеся рыбы далекого, нездешнего моря.

Это предрассветные облака...

Струятся трубы домов в дымке тумана сонного, ленивого, закрывающего утомленные желтые веки...

Милая.

Бледные полуоткрытые губы твои, как лепестки розы, чуть-чуть трепещут от воли утреннего ветра...

Матовое, кажущееся серебряным круглое плечо твое вырисовывается в полумраке.

Тонкие пальцы, как лепестки лилий, дышат на твоей груди.

Белая ночь томно вытянута из-под смятого голубого шелка...

Забвение.

Ты видишь сны.

Милая, ты можешь погружаться в них нагая, как ночная бабочка в широкий раскрывшийся цветок, распростертый на черном бархате ночи, как возлюбленная на таинственном ложе любви.

Вздрагивают синие жилки век—трепещут, бьются плененными птицами.

— Лошади поданы...!
— Да, но куда?

Тоже по нотам...

Ты видишь сладкие чарующие сны.

Змея, ты извивайся, серебрясь в полумраке, томись и пей из бокала сновидений.

Вытянулась шея,—кажется, она вся из матовых колец, внутри которых льется красное вино—твоя кровь...

Сжала крепко пальцы...

Милая.

Ты видишь сны.

А я.

Мутными глазами смотрю в побелевшее окно, вздрагиваю от крика поездов, лихорадочно стискиваю зубы от боли.

Безумие.

Увижу ли я тебя.

Мое порочное тело в каждом взгляде втягивает в себя тебя всю по мельчайшим нитям.

И я.

Что я?

Я могу тебя видеть, воспринимать так же, как Солнце, так же, как Луну, и, как они ты недоступна для меня.

Знаешь ли ты эту боль, когда подламываются ноги, горящие руки вьются, как огненные языки, глаза мечут искры и все мое существо зовет тебя...

Тихая, светлая, ты—озеро, в которое влюблена Луна, дерзко раздевающая, скидывающая одежды,—мрак твой в котором ты неподвижное и ясное покоишь свое целомудрие...

Милая.

Я увижу тебя.

Поймешь ли ты, что один мой взгляд вырвет из меня все желание этой тоскующей Ночи.

Рассвет 5-й.

СПОКОЙСТВИЕ.

Знаешь, милая,—я вливаясь с беловато-серым туманом рассвета, почувствовал себя вдруг таким далеким тебя.

И если раньше я мучительно вглядывался в молчаливую строгую темноту ночи с жаждой увидеть твое распластанное в небе тело, молящееся желанию и Красоте, то теперь я спокойно смотрю в мутные окна и вижу как до дерзости ясно вырисовывается во мне вся проза жизни—самая обыденная, самая тоскливая, такая пустая, как прорасть, которую ничем не заполнишь, но которая проглатывает, как пасть чудовища, как глубины тьмы, малейшие и скры моих сонных обуглившихся желаний.

Спокойно, с какой-то странно остан

вившейся тоскою, я смотрю на небо грязное и разорванное, на пыльные вялые деревья, нелепо повисшие в липкой мути.

На асфальт, поднимающий мое тело, словно старающийся поднять меня к небесному своду и сжать, раздавить меня на нем,—до того он мне кажется близким и низким.

И я лежу неподвижно: не хочется нарушать этого безразличия...

А помнишь ты бунты крови, заставлявшие нас расставаться как можно скорее?

Улыбнулся при этой мысли.

Неужели это бывает?

Было.

Что это за странный голос, глухой, грубый, прохрипел: „было".

Разве этого не будет?

Сейчас мне это очень трудно себе представить, так как мне даже лень протянуть руку — зажечь потухшую папиросу.

Говорю о пустяках,—очевидно, подобное состояние обращает внимание на всевозможные мелочи.

Край отставших обоев тоже меня весьма интересует, давно пристально смотрю на него и жду вдруг что-нибудь в нем изменится, но он невозмутим.

Перевожу глаза на часы...

Странно, почему это я раньше не находил так много интересного вокруг себя.

Да.

Медленно, величественно поднимается Солнце.

Зачирикали воробьи,—верно, поблизости новобрачные свили себе гнездо, ибо их разговор принимает серьезный деловой характер.

— Ты еще ничего не достал к обеду?

— Нет еще, лечу.

— Поскорей, пожалуйста. Мне ужасно хочется есть.

— Не безпокойся, через пять минут будешь сыта.

— Меньше слов—больше дела.

— Какая ты строгая; это лишнее.

— Ах, Боже мой, да ты скоро соберешься?

— Лечу, лечу, милая.

Мне казалось, что они говорили именно так.

Может быть, я ошибся.

Возможно.

Но почему бы им так не говорить?

Продолжаю наблюдать.

Муж оказался верхом совершенства:

— Уже вернулся.

— Да, а что—скоро?

— Я не успела привести себя в порядок после вчерашней неосторожности извозчика, облившего мне голову грязью.

—Кушай, кушай,—потом поговоришь. Милая парочка.

Знаешь,—издали семейная жизнь довольно привлекательна.

Но, пожалуй, это только издали...

О воробьях я почти забыл — может потому, что левый глаз совершенно закрылся, и открыть его я не собираюсь...

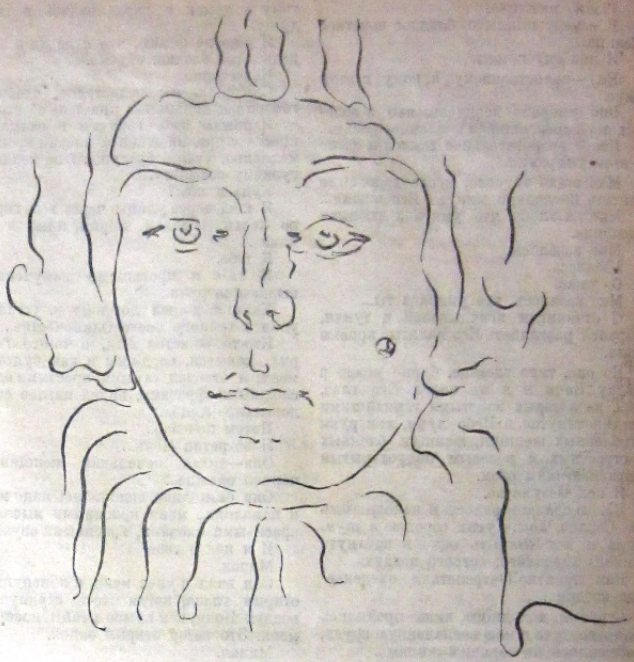
Глаза очень дружны и согласны между собой: не успел закрыться один, другой следует его примеру...

А Солнце.

Оно уже показалось во всеоружии.

Поэтому я натянул на глаза одеяло.

Анатолий Вашков.



Эскиз. С. Кудышева.

ИМЕНИЕ АБРАМЦЕВО.

Дом, где жил С. Т. Аксаков.

Кто не знает Абрамцево?

Это имение некогда принадлежало Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Оно находится в 3-х верстах от станции Хотьково, Северных дорог, и представляет собою типичную дореформенную усадьбу помещика средней руки.

Здесь уже нет того размаха, шири и красоты строений, которые мы видим в Ахтырке.

Абрамцево—очень скромное и запущенное имение, хотя дом (которому 120 лет) поддерживается в том виде, как его знали Гоголь, Загоскин, Тургенев, Щепкин, Хомяков, Ю. Ф. Самарин и многие другие, близкие русскому сердцу люди.

Николай Васильевич Гоголь бывал часто у Аксакова и подолгу гостил здесь, писал свои сочинения,—комната которого находилась в мезонине, выходящая окнами на широкий двор (на рисунке,—два справа, вверху), до сих пор носящая название Гоголевской.

Дом мало интересен: простой русской архитектуры с мезонином, красной крышей, стоит на правом высоком берегу речки Вори. Абрамцевский дом виден уже со средины лесной просеки, когда подъезжаешь к нему. Крутой поворот влево, переезжаете мост через речку, поднимаетесь на горку, и вы... в старой усадьбе „дворянского гнезда". От дома идет в сад липовая аллея, в начале которой стоят „каменные бабы", вывезенные некогда из Екатеринославской и других губерний. В саду интересный в архитектурном отношении дом-особнячек. Несколько флигерей, занятых под службы и дачные; здесь же и пчельник. Старые липы хорошо помнят своего бывшего хозяина, его страсть к рыбной ловле и охоте.

Часто видели его гуляющим в часы досуга, вместе с теми людьми, которых так радушно и приветливо встречал когда то С. Т. Часто в тихие летние вечера при закате солнца и своей жизни сидел он здесь, вдыхая аромат цветущих лип; наклонясь над ним, они навевали сладкие грезы коротких золотых дней человеческой жизни... Здесь все напоминает о прошедших днях жизни писателя.

Абрамцево в 1871 году перешло в собственность С. И. Мамонтова. В саду находится построенная в 80-х годах церковь по образцу древнего Спаса Нередицкого, что в Новгороде, в стиле XI века.

В этом имении побывали лучшие русские художники, искавшие вдохновения и отдыха под вековыми деревьями тихого старого парка. Вот те лица, которые часто бывали у радушных

Избушка, выстроенная по эскизам Васнецова.

хозяев Абрамцева: Васнецов, Репин, Поленов Суриков, Неврев и Антокольский. Они оставили много ценного в постройке и украшении миниатюрного храма, принимая в нем свое непосредственное участие.

Нередко бывал здесь и наш русский Баян-певец Ф. И. Шаляпин. Недалеко от церкви стоит избушка на пнях с терассой и внутренней с балконом комнаткой,—сделанная по эскизам художника Васнецова. Отсюда—вид на речку и спуск.

От церкви влево—дорожка с перекинутым через овраг мостиком, и вы уже в старинном, задумчивом глухом парке.

Гуляя здесь, нередко можно встретить отжившее старое дерево, грузно лежавшее поперек дорожки. Заботливая рука хозяев возмещает утрату и засаживает молодыми деревьями, не нарушая стройности аллей.

В конце парка, на высоком обрыве, в уютно-красивом месте, стоит скамейка; отсюда открывается прекрасный вид на излучины текущей речки с ее высоким левым берегом, называемым „Быковским обрывом".

Каждый изгиб Вори, каждый омуток ее напоминает об авторе „Записок об ужении рыбы" и о тех „Ершевых местах", где с такой любовью Сергей Тимофеевич, просиживая,—удил рыбу и так подробно и поэтично описывал все прелести своей любимой охоты.

Его не смущала погода: в холодный, ветреный, осенний с дождем день он сидел с удочкой.

В своем послании к А. Н. Майкову он пишет:

„Люблю я, зонтиком прикрытый,
В речном изгибе под кустом,
Сидеть от ветров под защитой,
Согретый теплым зипуном,—
Сидеть и ждать с терпеньем страстным,
Закинув удочки мои
В зеленоватые струи,
В глубь Вори тихой и неясной,
Глаз не спуская с поплавка—
Хоть он лежит без измененья,
Но вдруг чуть видное движенье,—
И дрогнет сердце рыбака!.."

Когда наступали холода и морозы, он, уезжая в Москву, писал:

„Прощайте же, горы и овраги,
Воды и леса красота.
Прощайте, вы мои „коряги",
Мои ершовые места".

Идя обратно в парк, вам невольно приходят в голову образы наших героинь, которые также, мечтая, прогуливались по заглохшим аллеям старинного парка,—Татьяны Лариной, Лизы Калитиной, Наташи Ростовой и других.

Этот парк наводит на элегическое настроение и представляет современный контраст с ахтырским.

Это—две противоположенности: там,—торжественность, здесь—угрюмость.

Александр Хлебодаров

Правдивая
История государства Российского.

В СТИХАХ И ИЛЛЮСТРАЦИЯХ, ИВАНА АСПИРИНА.

(*Продолжение*).

Дабы устроить государство
И разрешить давнишний спор,
Тотчас собралось все боярство
В Москву, где земский был собор.
Тут были споры, были крики:
„Достойн-ли кто приять престол?"
И, наконец, блеснули пики
Отряд Пожарского вошел.
Построившись, как на параде,
Запели все: „Взошла заря!
Мы бились государя ради
И заслужили мы царя!!"
Умолкли шумы, крики, споры
В такой торжественный момент;
Увы, тут разразился скоро
Пренеприятный инцидент.
И с мест для публики, так внятно
Раздался голос сверху вниз
„Вы заслужили?! Что ж?! понятно!!
Так вам и надо!... Не дерись!!"
Был быстро схвачен смердничастный
Поддет на кончик долгих пик,
Собор решил единогласно,—
„Шпион немецкий! Большевик!"

X.

Немножечко еще поспорив
О том, о сем, собор решил:
„Что „без царя нам", дескать, горе
И никаких не хватит сил!
Дабы иметь боярской думе
В делах правленья должный вес,
Царь нужен кроток, тих, неумен,
Чтоб не в свои дела не лез!"
Тут не нашлось двух разных мнений
Единодушна стала знать:
„Романов в этом разе гений
Подходит он под эту стать".
С посольством, с колокольным звоном
Был сыгран „милый" водевиль;
Молить царя и бить поклоном
Послали всяческую гниль.
Свою на время скинув форму
Жандармы делали толпу.
Царь поломался для проформы
И рек: „Ну ладно! Трон приму!"
И начал царствовать Михáил
Или иначе Михаил,
Повоевал, потом оставил
И мирно в бозе опочил.
И с этих пор три долгих века
Вершили русские дела
Сего потомки, человека
Русь „возростала" и „цвела".
Второй Романов был толстенек
И даже тучен был скорей;
Любил огурчик, гриб, вареник
И назывался Алексей.
Изящный вкус при том имея
Завел роскошный гардероб,
Но, чтоб окутать Алексея,
Парчи шло minimum шесть стоп:
Дабы исполнить эту прихоть
(Портной молись и трепещи!)
Тут говори, не говори хоть,
А подавай ему парчи!
Царь приказал открыть заводы
На что тотчас нужны рубли,
И чтоб в Архангельские воды
Имели доступ корабли.
Царя приказы смердам строги!
Царевы сундуки пусты!!
Народ сперва тащил налоги,
Потом принялся за бунты.
Царь тучен, а народ худенек,—
Сие нормально! Но увы!
Из за введенья медных денег
Был бунт на улицах Москвы.
Огнем восстанья запылали
Сольвычегодск, Устюг и Псков
И довершил царя печали
„Мятеж" приволжских казаков.

XI.

И с Поволжья, с устья Дона
Раздался вольности призыв;
Пасхального звончее звона
Свободе путь вперед открыв.
„Вставай проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов",—
И Стеньки Разина знамена
У царских реют городов
Царя страшит „сия крамола";
„Мятеж" кипит и там и тут
Чтоб сбить оковы произвола,
Чтоб „порешить" Шемякин суд.
Чтоб уничтожить тягость пеней
Поборы царских воевод,
У трона царского ступени
Шатает в ярости народ;
Плывут по Волге стройно струги
Неся свободу тем, кто слаб;
Сам атаман промолвил: „Други!
Не царь я вам, а первый раб:
Мы люди все, и равны все мы,
Мир хижинам, война дворцам.
Цари к мольбам народным немы,—
Теперь народ, да правит сам!"
Москва волнуется от слухов
Дрожат бояре, а попы
Кричат: „Анархия! Разруха!"
(„Не добралась бы до Москвы")
О наше доброе крестьянство
Смиренным вечно должно быть;
Ужель забыто христианство?
От дьявола такая прыть.
В огне терпеть ты будешь муки:
Знай! Бог зачинщиков найдет,
А воинство князь Долгорукий
На вас тотчас же поведет!"
Царевы загремели пушки:
Рука царя еще сильна!
Горят крестьянские избушки,
В крови купается страна.
Пускай казнен свободы вестник,
Но Стеньку помнит весь народ;
Свои о нем слагает песни,—
Его прихода вечно ждет.

(Продолжение следует).

И. Аспирин.

На злобу дня.

I.

Всегда „соль мудрости" сильна,
Коль не *по карточкам* она.

II.

Наш „продовольственный вопрос"
Набил нам *уши*, рот и *нос*.

III.

Трамвай наш *молод*, но и он
Теперь „в калеки" занесен.

IV.

Испанка „модная" болесть,
Но кажет и *деревне* честь.

ХРОНИКА.

Нижний-Новгород.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

После значительного „отдыха“ наша молодежь начинает приниматься за творческую работу: организовали Коммунистический Союз Учащихся II ступени, Клуб Шестиклассников всех школ, такой же Клуб пятиклассников и Союз Юных эсперантистов.

Хотя работа почти всех организаций в настоящее время выражается в устройстве концерт-балов, но это объясняется тем, что всем организациям для осуществления своих задач нужны средства, которые и можно получить при помощи концерт-балов.

В школах работают Ученические Комитеты, которые принимают участие в работе Школьного Совета, комиссии по распределению завтраков среди школьников, в плановомерном распределении книжных и писчебумажных пособий и мн. др.

Завтраки бесплатные, школьники уже получают.

Коллегия, состоящая из представителей Губпродкома, Городисполкома, Отдела Здравоохранения, социального обеспечения и Народного Образования, постановило всем школьникам на каникулы с 1-го по 15 янв. выдать продукты (завтраки).

Коллегией изобразительных искусств при Отделе Народного Образования разрабатывается вопрос об организации Вольных художнических коммун и Студии стиховедения. Коллегией пока открыта художественная студия для тов. красноармейцев.

Драматическая Студия при Городском Советском театре 28 дек. 1918 г. показала свою первую работу. — В театре представлено было учениками студии, класса артиста А. Г. Георгиевского, пьеса М. Горького „На дне“.

Ученики студии вполне справились с пьесой, приложив все свои старания и теперь есть надежда, то из учеников—студийцев будут организованы районные труппы, которые смогут удовлетворить окраины города, а также рабочие кварталы.

С 1-го января начнет выходить пролетарский журнал „Факел“ издаваемый Союзом Советских журналистов.

Средства первоначальные на издание (15.000 р.) получены от устройства Концерт-Бала.

На днях в театре, при новой декорации, костюмах и букафории, была поставлена трагедия К. Р. „Царь Иудейский“.

Постановка очень хорошая, вполне выдержанная, особенно принимая во внимание обычные провинциальные постановки.

Сыграна пьеса также хорошо, т. что „Царь Иудейский“, стал „гвоздем“, нашего театра.

Григорий Шмерельсон.

Школа имени Луначарского.

Слободск, 11 декабря. В с. Михайловском открыта народная школа имени Луначарского. (РОСТА).

Снабжение школьников обувью и одеждой.

Для снабжения детей школьного и дошкольного возраста одеждой и обувью ассигновано 500.000.000 руб. Из этой суммы на долю Москвы приходится 23.000.000 руб.

Кроме того, для Москвы отпущено 1.000.000 арш. драпу, и отпущено большое количество трикотажных изделий (фуфайки, перчатки, чулки и т. д.). В течение ближайшего месяца до 1/3 детского населения Москвы получат необходимое количество теплой одежды и обуви.

Из „Альбома театрала“.

I.

В. Р. Петров.

Великолепный мощный бас
Чарует зал красивым пеньем,
И увлекает часто нас
Своим высоким вдохновеньем.
И где он только не поет,—
Успех его велик и шумен,
Но, как „разбойник“ каждый год
Он *только раз* „благоразумен“.

Цицерон.

II.

Д. А. Смирнов.

Как петроградский соловей,
Он к нам зимою прилетает,
Споет „среди густых ветвей“
И дань восторгов собирает.
Не знает счета даже он
Своим поклонницам несчетным,
И новым званьем награжден,
Он нынѣ „Соловьем залетным“.

Цицерон.

III.

А. М. Лабинский.

„Героический“ тенор:
„Лирик“ сам, но любит „драму“,
И мечтает до сих пор
Спеть он „Пиковую Даму“.

М. Ц.

IV.

И. В. Ершов.

Лучший Вагнера певец;
Он для Вагнера родился,
Но давненько... Сам „отец“,—
На плохой уже конец,—
В братья-бы ему годился.

Цицерон.

V.

Эмиль Купер.

„У лукоморья дуб зеленый“...

Б Большом театре оркестрант
Имеют редкого вождя,
В нем „разновидные“ таланты,
(Вплоть до „осеннего дождя“).
Он, точно фокусник владеет
Волшебной палочкой одной,—
Хотите бури буря веет,
Хотите солнца—вот вам зной.
И на лице всегда улыбка
(Когда спиной он к вам сидит);
Взмахнет на право—плачет скрипка,
Взмахнет налево—бас гудит.

Цицерон.

VI.

В. И. Сук.

Дирижер спокойный,
Даже методичный,
Но всегда достойный
Дивные нюансы
Музыкант отличный.
Он дает игрою,
Оперу в романсы
Превратив порою.

VII.

В. И. Лосский.

Очень редкостный талант.
И работник „многотрудный“:
Старый бас и музыкант,
Режиссер и комик чудный;
Как ни глянь—со всех сторон
Вечный „Ванька встанька“ он.

Цицерон.

На злобу дня.

V.

Товарищ—дворник у ворот
Не „Ренку“—„Барыню“ поет.

VI.

Наш двор полгода не метен;
Теперь... в *помойку* превращен.

VII.

Не тротуары, а каток:
Скользанул... упал... без рук... без ног..

VIII.

Ночь беспросветная *темна*:
Ни фонари и ни луна.

IX.

Наш гражданин частенько *днем*
Гуляет с „синим фонарем“.

X.

Велели детям *масла* дать;
Найди, коль *сможешь отыскать*.

XI.

В вагонах часто мы порой
„*Жмем масло*“ целою горой.

XII.

Пусть *умирать* все *подождут*:
Картошку „скоро“ нам дадут.

XIII.

Кто по „чугунке“ не езжал,
Тот „*реквизиций*“ не видал.

Мистер Цыган.

Из „Альбома Футуриста“.

Гряньте бубны, гряньте лиры,
Грянь турецкий барабан!
В прах повергнуты кумиры,
Расступился океан.
Где Ваганки? где Сатиры?
Где Великий грозный Пан?
Где все наши Командиры?
Изъ захлопнул их капкан?
Баста! Сгинули Вампиры
В беспредельности туман;
Жемчуга их и сапфиры
В пыль развеял ураган.
Дайте мне красу Пальмиры
И Венеры стройный стан!
Намфы! сбросьте с плеч порфиры
И пляшите все канкан!
Сгройте, рыцари, турниры,—
Пусть не тухнет ваш вулкан;
Вздохом огненной мортиры
Вам хвалу воздаст тимпан.
Вейте нежные зефиры
На пуриновый султан!
Разливайте вкруг эфиры
Роза, лилия, тюльпан!
Для стрельбы готовьте тиры!
Кто стрелять горазд и рьян?
Громче бубны! Громче лиры!
Я от счастья горд и пьян!

Михаил Цыганов.

* * *

Выпей бокал сей мой друг скорее,
Станем друзьями. Пей веселее!
В пути опасном
Другу открытым,
С сердцем открытым
Честно дружиться.
Что нам невзгоды, буря, печали?!
Зло не доймет нас, крепче мы стали.
Руку товарищ,
Жми же сильнее.
Жизнь нам смеется,
Пей веселее!

Л. Рыль.

Фонд журнала „Ж. и Т. Р. М.“.

От неизвестного анархиста—100 руб., от Е. Н. С.—20 руб., итого с прежде поступавшими—348 р. 20 к.

Об условиях подписки на журнал в 1919 году смотрите в № 16.

Редактор: Н. В. Марков.

Издание Московской Анархической Ассоциации молодежи.

Типография „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ“, Москва, Большая Садовая, д. 14. Телефон № 2-03-35.